

DOI: 10.15643/libartrus-2020.4.1

Философия и власть. Часть I. Архитектура власти

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Институционально поддерживая собственность, обеспечивая влияние, конституируя статус, власть регулирует бытие целого в правовом, политико-культурном поле. Крепость власти не в силовом оснащении, а в действенной мобилизации вовлечения и участия. Качество последнего определяется народоориентированностью составляющих стержень правления, получающих философское оправдание иницирующей апологии и технологий. Вводимый философией внятней образ совершенного существования востребует от власти специфического образа мысли и действия. И это, выражаясь кратко, – народоориентированная политика. Как подчеркивал Гегель, – величайшая нелепость – навязывать нации учреждения, к которым она не пришла в своем органичном развитии. В противном случае – репрессирующая тирания, деспотия, автократия. Власть – инструмент мира, а не войны, не должна деформировать жизнь просветлениями, встрясками, объективациями умозрений. Питаемые здравым смыслом, конституированные народной волей ламинарные улучшения – мелиоризм, реформизм, эволюционизм – выверенные фикс-пункты дальновидной политики. Лучший тип реализации власти – избегающее насилия компетентное влияние. Только та власть приветствуется, какую санкционируют граждане. Власть функционирует не как средство генерации самодостаточных схем, но как средство выработки баланса сил – уравновешения инноватики народной волей.

Ключевые слова: господство, зависимость, свобода.

Исходное в принципиальном толковании существа власти, – верифицируемое соображение: власть суть монополия на правовую и силовую инициативу.

Монопольность – приоритетность, главенство, исключительность реализации легального могущества, полноценное заявление, воплощение «принципала»: власть – экстракт субъектности сохранения и изменения *status quo*, модификации, трансформации, институциональных установлений.

Инициативность – обладание преимуществом в анонсировании, будировании общественных починов: власть – полномочный доминат курирования-купирования массовых мероприятий, социальных предприятий, масштабных общезначимых акций.

Первенство в одном и другом и в двух вместе в качестве паушального имеет формальное и реальное преобладание в определении, обозначении, поддержании, видоизменении, преобразовании, отмене персональных и групповых состояний, обстоятельств, устоев задействованием средств убеждения, принуждения, подчинения, подавления, – рычагов мягкой и жесткой регуляции обмена деятельностью, конституирования межсубъективных связей.

Стандартными механизмами материализации аутентичных предпочтений власти выступают:

- господство: полноправное преобладание в побуждении – понуждении социальной деятельности, согласно заявляемым предпочтениям;
- руководство: осуществление воли; выработка, принятие, воплощение кардинальных решений;
- организация: обустройство, упорядочение элементов (частей) в системе (целом); институциональное структурирование; выстраивание иерархий; учреждение отношений координации и субординации;
- управление: целенаправленное воздействие на общество поддержанием оптимального строя группового взаимодействия от программирования до объективирования его режима;
- контроль: эффективный надзор, проверка, наблюдение за исполнением функций государственных, общественных институтов, сфер жизни, структур гражданского общества; корректировка характера общения (поведения) людей в социуме.

В более компактной и по необходимости абстрактной трактовке власть суть интенциональный ресурс самоподдержания – воспроизводства неких базовых параметров собственной пролонгации (реставрации) в давлении (зачастую агрессивных) факторов внешней и внутренней среды. Главная ценность власти – власть. Все и всякие обстоятельства оправдывают ее достижение, удержание, усиление.

«Власть власти» как глубинная диспозиция (используя топологические идеи) есть вариация гомеоморфного (взаимно однозначного и взаимно непрерывного) отображения: для различных точек многообразия радикальными определителями оказываются показатели самопринадлежности, – функция власти в стандартной системе координат характеризуется постоянностью, самодостаточностью, непрерывностью, «правильностью».

Тут-то шифруется фаустов пудель.

Своенравная прихотливость, дикое вождение власти – власть; сильные и слабые определительные отношения, подчинительные правила отправления властвования – властвование. Тенденция осуществлять власть (властвование) ради власти (властвования), стяжать ее (его) как намеренное одностороннее устремление пронизывает политико-исторический опыт, образует эмпирически идентифицируемую платформу кратократии, избавляющую социальное устройство от щепетильных гуманитарных и регламентарных отягощений.

Функциональное отстранение власти (властвования) от последних и прочих человеческих, гражданских, народоемких обязательств в операциональной проекции сгущается во вполне вырожденное одиозное агрегатное состояние, известное мировому социально-историческому процессу под именем «макиавеллизм».

Подобно своим практически-духовным аналогам (эстетизм, сциентизм, экономизм, морализм, политизм) макиавеллизм оказывается поведенческой (технологии) и идейной (апологии) абсолютизацией власти (властвования) как орудия налаживания (организация, оптимизация) «роевой» жизни. С инфернальной точки сатурации, где о делах власти нельзя требовать суда и кажется, что можно судить по успеху [10, с. 103], начинается отсчет перерождения власти: с отменой границ шанса и выбора уносит ее ураганом всевластия, самовластия, единовластия. Ассистируемым неизбежным наступлением на подданных (элиту, народ) с ущемлением естественных (человек – тварь «божья») и общественных (личность – тварь социальная) прав, свобод, достоинств, возможностей.

Мрак сгущается. Развертывается тератологическая эпопея власти, где собственное самознание опережает и превышает собственное же мастерство. Насколько фатально перерождение? Правильно ли относиться к нему с обреченным принятием неизбежного?.. Даже и привычно спокойная река способна поднять грозную волну, – как же держать ее в русле?

Имея в виду, что прошлое и настоящее смотрят отовсюду, будем рассуждать на предельно высоком уровне обобщения. Коль скоро самое блестящее начало в вершении судеб мира (удовлетворимся лишь упоминанием: в былом – «Догнать и перегнать», «Создать материально-техническую базу коммунизма», «Пятилетку в три года»; в текущем – «ВВП в два раза», «Каждой семье – благоустроенное жилье вне зависимости от уровня дохода», «Каждому гражданину – долю от использования природных богатств страны», превратить (к 2017 г.) «Россию в лидера мировой политики и экономики» и т.д.) может быть самым досадным, плачевным прологом к бесславному концу (катастрофа, кризис, стагнация), актуализируется тема рационализации, критико-аналитической санации властей, рефлексии оснований политического выбора, принятия ответственных, обязывающих державных решений.

Тема получает положительную разработку в специализированном отсеке практически-духовного – философии, профессионально озабоченной изучением всех типов понимания и преобразования действительности [4, 5]. На исполнение данной облигатной роли не могут претендовать часто функционально сближаемые с философией

- наука, поглощенная поиском истины. В отличие от эпистемологического политическое, никак не претендующее на выявление достоверного, поглощено поиском способа действия, механизма созидания, овладения фактами социальной реальности;
- искусство, поглощенное поиском художественного идеала. В отличие от эстетического политическое, никак не претендующее на заявление образа совершенного (насыщенное историческое наблюдение, подмечающее якобы некие исключения из этого правила, на проверку позволяет усмотреть в тех же феноменах Нерона, Калигулы, Тиберия и т.д. вплоть до Керенского причастие не власти, но театрализации власти, травестии политики – превратившиеся в тени, давно истаявшие проявления скверного типа лицедейства, вовлеченного в разыгрывание неаутентичной – на грани социофрении – пьесы под аншлагом «Я – во власти»; «политика и – Я»), поглощено поиском поведенческой целесообразности на базе учета расстановки сил, выработки отвечающей балансу интересов гражданской результирующей (равнодействующей).

С позиций *definitio essentialis* власть (политика) есть инструмент сугубо контекстный, ситуативный, в отличие от

- науки в чистом виде не способный вводить универсально-необходимые связи от предметности (ноэмость);
- искусства в чистом виде не способный вводить идеально-совершенные связи от художественности (эстемность).

Но способный вводить связи от передающих дух конкретных дней прагматичности, инструментальности, подаваемых в выпрессованной обертке апофеоза «высших», «вечных» национальных интересов.

(Серьезная и далее необсуждаемая проблема – манипулирующее фундирование «жизненного состава» (Гоголь) власти (политики) реквизитом науки – набившие оскомину контексты «научно обоснованный» курс, программа от онтологической (исторической, социальной) необходимости; или искусства – искреннее стремление деятелей культуры поставить сферу

прекрасного на службу государственному: показательная оценка Огаревым выполненной (как список с манифеста Наполеона III) Лорис-Меликовым адресации к народу при вступлении на царствие Александра II: «Плохо правительство, не позвавшее в услужение хороших стилистов»; или утопическое упование Бродского [10, с. 819] озаботиться духовным уровнем предводителей Отечества (хотя бы после отвратительной манежной эскапады Хрущева). Не говоря уже о романтизациях и эстетизациях «светлого будущего»:

Наступит срок, – и обретем
Несущие к свободе крылья [12, с. 469].

Или:

Новые несем Земле скрижали
С нашего серого Синая [11, с. 139].)

Учитывая синкретичность, симультанность, сукцессивность властеотвода, – конкретно: пропитанность технологий апологиями, фактически не удается развести желаемое и действительное. В обоснование сошлемся на классическое – ленинское: «...сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния» [9, с. 381], или не менее классическое – путинское (включенное в предвыборную программу правящей партии «Единая Россия» в 2007 г.): «Уже в 2008 году минимальный размер оплаты труда в России достигнет прожиточного минимума. Опережающими темпами будут расти оплата труда работников бюджетной сферы. Заработная плата ученого, учителя, врача, работника культуры обеспечит ему и его семье достойную жизнь!»¹

Не погружаясь в сюжетику «кремлевские мечтания» и отвлекаясь от частных исполнений «воплощение замысленного», зафиксируем: в качестве инвариантов, неких типологических универсалий политическая риторика спрягает: гражданская свобода; сильное государство; народное благо; социальная справедливость; величие нации и т.п., генерализируемые в предельно емкую формулу – золотую формулу власти на все и во все времена: «...на земли мир, в человецех благоволение».

Вопрос, – какую объективацию получает золотая формула власти в темпоральном преломлении. Или иначе: есть ли эффективный способ *respue, quod non es* – демонстрации того, чем реальная власть (политическое ангажирование) не является и являться не может.

Проблема адекватности политического программирования существования сродни проблеме адекватности любой доктринальной разработки, которая концептуально не снимается; это – сугубо практическая проблема, разрешаемая опытно эмпирически. Однако в отличие от вполне локального обмирщения идейных конструкций духовного производства (научная теория) материализация фундаментальных образов производства практически-духовного (политика) вполне тотальна и потому затратна – чревата причинением некомпенсируемого морального, физического, имущественного урона (преступный опыт репрессивно-карательного строительства социализма в СССР, КНР, Кампучии и т.д.).

Поскольку до объективации потенциально вирулентных плодов социально-политического прожектирования, тем более в залоге бури и натиска, лучше не доводить, философия (в лице социальной философии, философии власти, философии политики) отрабатывает

¹ По данным СК «Росгосстрах Жизнь» совместно с научно-исследовательским центром «Перспектива», доля россиян со средним доходом ниже 15 тыс. руб. в первом полугодии 2020 г. возросла с 38.1 до 44.6%; одновременно увеличилась доля крайне бедного населения, живущего на доход менее 5 тыс. руб. Каждый пятый предприниматель сообщает о значительном падении доходов, а каждый десятый – о полной их потере.

способы превентивного соответствия политики (в единстве технологий – апологий) неким гуманитарным условностям, отвергать которые – значит, отгораживаться от человечности. Философия, таким образом, озабочивается побудительной прививкой власти (политике) черт благодетельности, благочинности, благопристойности.

У истоков стратегии гуманитарной имплантации – Платон, воспитанный в традициях жертвенности, бескорыстия (его предок афинский царь Кодр пошел на заклание в обеспечении победы над врагом (по предвещанию оракула, Афины победят в случае гибели Кодра)), калокагатии (блок физической красоты и духовного совершенства) и совмещавший путь власти (в эгоистически-аморальном пределе – путь насилия, наживы, интриги) с философским путем (в альтруистически-моральном пределе – путь добра, человеколюбия, блага).

Утопическая линия Платона – линия внутренней революции, духовного совершенствования, нравственного развития, жизненной аскезы, самопожертвования, теряясь в веках, нашла неожиданное продолжение в деятельности

- русских религиозных философов, публицистов (Бердяев, Булгаков, Струве и др., выступивших с изданиями «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины»), полагающих, – в утробе не турбулентных социальных, но ламинарных персональных преобразований, – что ничем, кроме как культивацией в себе «свободного человека в несвободном мире», общественная ситуация исправлена быть не может;
- гандистов (адептов М. Ганди), руководившихся тактикой сатьяграхи – сопротивления ненасилием.

Подчинение политики нравственности – дело безнадежное, обреченная несостоятельность которого имеет двойной корень: (а) взаимонезаменяемость форм практически-духовного: религия, право, мораль, искусство, политика – имеют статусно автономную, самодостаточную природу в отношении конкретных аспектов гуманитарного строительства; (б) прагматичность, оперативность властно-политического акционизма имеет конъюнктурную природу в отношении конкретных аспектов социально-политического строительства, что исключает установление дедуктивно-редуктивных отношений между формами практически-духовного.

В намеченную Платоном колею философского поучения архонтов, высших должностных лиц, властедержателей встраивался Макиавелли, развернувший направление движения крейсерской властно-политической громады на 180°. Исходя из того что философия не меняет не только мир, но и меняющих его людей (ср.: платоновское наизидание Дионисия Старшего: «Делай из своих подданных хороших людей»), в обобщении реального опыта миростроения, опираясь на оценку усилий, ледоколом врезавшихся в жизнь и коловших, разметывавших ее обломки лицедеев властно-политического процесса типа Александра Македонского, императоров Рима, Пирра и др., Макиавелли отбрасывает трактовку власти в терминах *res ficta et picta*, становится на платформу высвобождения политической техники из-под ферулы морали.

В фиксации того, что власти свойственно идти дальше, чем позволяют средства, народ, ничего нового Макиавелли не открыл (ср.: исполненные негодования протестные движения нашего времени – эпохи восстания масс – под лозунгами «Мы – 99%»; «Правительства нас не представляют»); то новое, чем обогатил философию политики «вредный гвоздь», заключается в легализации этической реактивности властно-политического (государственного). Откровенно, прямолинейно, явно Макиавелли эмансипирует практически-духовный тип политического от влияния «гуманитарных иллюзий».

Разрабатывается подобие аболиционистской логики административного функционализма – беспардонной логики машинерии, стоящей над законом, нравственностью, этосом власти. Функционалистская предвзятая универсализация иммунитета властно-политического, взятого в сильнейшей изолирующей абстракции, отделенного от человеческого, нравственно-этического, противопоставленного ему, – составляет стержень макиавеллизма как рефлексивной методологической, метаполитической позиции.

С логико-гносеологического угла зрения оправдывающий способ получения изолирующих абстракций процедурный формализм усиливает своей бессодержательной техничностью одиозность властно-политического функционализма.

Формальный функционализм, функционалистский формализм, – нет комбинации слагаемых более тлетворной, как базиса жизнестроения. Это потому, что замена части целым, обособление ролевости, выпячивание самоподдержания (функционализм) обременяются умалением существенности, выхолащиванием многосторонности, отвлечением качественности (формализм).

Сказанное образует питательную среду манипуляционно-инструментального отношения к действительности в границах несносного «нежного» расположения к подлости, мнимой значительности и подлинного ничтожества педалирования реалий «любой ценой».

Наивно расценивать макиавеллизм как архаичное, давно и повсеместно преодоленное явление. По характерным наставлениям автора «Князя» («Государя»), «...нет необходимости князю обладать... добродетелями, но непременно должно казаться, что он ими наделен... если он их имеет и всегда согласно с ними поступает, то они вредны, а при видимости (! – **В. И.**) обладания ими они полезны» [10, с. 102], разметка политического пространства и в наши прогрессивные дни идет по беспринципному принципу (оксюморон) автономии: «политическому духу тесны любые стены», легализующему самые изощренные техники «яда и кинжала», – а именно: козни, интриги, лавирование, подкуп, шантаж, ликвидация, дискредитация, расправа, блокирование, запугивание, нажим и т.д. – используемые (в соответствии с непреходящими заветами) для самых превосходных целей: во имя... народа; на благо... людей; для процветания... нации.

Вне зависимости от сокрывательства, мимикрии, лакировки, ретуши, ужимок, уловок, развешивания имитационных по видимости благовидных драпри, однако, не удастся обойти периодически объективно возрождающуюся тему рациональности (соответственно: рационализации) властно-политических мыслей и действий, апологий и технологий.

В выдвинутом тезисе акцентуируем констатив «объективно». Априори допустима произвольность, факультативность властно-политического, чему есть прорва свидетельств: Анналы истории изобилуют хрониками, нарративами, фактофиксациями своеволия, самочиния агентов державного устройства, – не поцелованных богом, не имеющих народного мандата лиц, склонных к субъективизму, волюнтаризму, дирижизму, – самоуправству, самодурству. Между тем перемещение с априорного на апостериорный сектор обзора вносит требуемые коррективы: на больших интервалах мирового социально-политического опыта прослеживается многозначительная тахителія; – никакая самая изощренная вольтижировка, маскировка не может скрыть полновесно, широкоформатно проявляющейся устойчивой тенденции рационализации отправлений власти по вектору придания ей предсказуемости, гарантийности. В технике реального госстроительства, властно-политической экипировки социальности

и философского осмысления данного процесса указанная преимущественная тенденция материализуется (и семантизируется) под видом трансформации инструментально адаптированного в гуманитарно адаптированный разум.

Присмотримся к генеральным систематическим единицам властно-государственной эволюции: таксономическая последовательность естественных и категориальных ядер, обозначающих прогрессивное соподчинение (иерархию) предметных групп, такова: потестарность – политарность – абсолютизм – октроированный конституционализм – конституционализм – парламентаризм – республиканизм – демократизм.

Конспективно выскажемся о природе образующих последовательность дискретных форм.

Потестарность. Организация интеракции посредством brutального физического воздействия; типичные рычаги выстраивания детерминирующей общественности координационно-субординационных отношений – подавление, угнетение, насилие. Ставка на силу как стержень общения с подкрепляющим ее волюнтарным бесправием (хочу – казнь, хочу – жалую), импульсивным попечительно-покровительным сопровождением лишает перспективного кредита примитивные репрессивно-карательные способы взаимообработки людьми друг друга на архаичных фазах вождизма.

Политарность. Доминировавшая в нашем недавнем концептуальном прошлом марксистская абсолютизация модели общественно-экономической формации (ОЭФ) в толковании естественно-исторического многообразия лишала обществознание (макросоциология, социальная философия, политическая история) признаков поисковой чувствительности, здоровой склонности к эвристическому маневрированию [6, 7]. Чурающийся догматизма, предвзятой исповедальной суровости обновленный подход расширяет непомерно узкий фарватер ОЭФ-конструирования легализацией иных приемов типологизации порождений мировой истории в версии общественно-политической (ОПФ), по востребованности – общественно-экологической (ОЭкФ) формации.

Политарность – структурная вариация в створе приложения установок ОПФ – парадигмы, центрирующей способ консолидации людей в совместном существовании по властно-политической регламентации. Утрируются не хозяйственные, но подчинительные пружины вершения истории через призму внеэкономического понуждения, побуждения, принуждения, осуществляющие упорядочение деятельностного обмена на базе администрирования.

Командно-приказной, директивно-распорядительный, нарядно-бюрократический тип властвования присущ живущей по канону предков сакраментально-традиционной фазе социальности.

Абсолютизм. Неограниченное самодержавие, всеобъемлемое властвование по самоличному исключительному мандатарю: безусловное, безотносительное владение, пользование, распоряжение статусами; исчерпывающее собственничество на полномочия, прерогативы, привилегии, преференции заявления, воплощения автономной воли; универсальность (все) правя на (все) обязательство, (все) ведения на (все) подчинение; полнота руководства, управления, наставительства в ведении дел «по усмотрению».

Последовательная, всесторонняя реализация абсолютизма – достаточно искусственная возможность: «чистый» абсолютизм есть несбыточная деструктивная деспотия, чрезвычайная диктатура, в действительности устанавливаемая ответственным публичным решением компетентного органа управления на ограниченный срок (римский сенат назначал диктатора

в затрагивающих интересы национальной безопасности экстренных случаях не более чем на полгода).

Необходимое ограничение всевластия (теми же органами сословного представительства), связывание условиями, обозначение охвата – предпосылка привнесения в *modus gubernandi* здорового элемента целесообразности, обуздывающего инфернальные импровизации, импульсивные кульбиты неведающего стопорящего эффекта беспардонного полновластия.

Режим самонадеянного (в духе Людовика XIV «Государство – это я») самодержавия ввиду недееспособности фактически бесперспективен, исторически обречен; покрывается патриархальной автократической фазой социального развития – сатрапии Древнего Востока, тирании Древней Греции, политический строй ряда итальянских средневековых государств, имперско-монархические изомеры эпохи Рима, Византии, нововременной Европы, России XVIII – начала XX в.

Октроированный конституционализм. Плевок в вечность общественно неразвитых, страдающих неискоренимым примитивизмом реликтовых автократий размазывается как талое масло по тенетам истории, но все-таки абсорбируется прошлым. Уничжительная страница угнетенного позорного состояния человечности перевертывается самой властью, лишаящейся притворной адорации со стороны подданных и вынужденной привлекать их к служению за счет даруемого сверху (высочайшее повеление, указ, декрет, ордонанс, фирман) подobia основного закона.

Именно подobia, поскольку обновляемая властно-политическая система опирается не на конституцию, обозначаемые ею методы правления, а на санкционированные короной послабления в редакции: самочинное ограничение стеснений (получением согласия на сбор налогов от тех же Генеральных штатов во Франции), связывающих гражданскую активность общества, его членов.

Допускаемое властью понижение тонуса сервиллизма – плод не только субъективного (индивидуальный, династический опыт правления), но и объективного прогрессивного роста – ответ на вполне предметные запросы оптимизации управления расширением базы социального рекрутирования в административную обойму, бюрократию («крапивное семя») через легитимацию вовлечения и участия.

Конституционализм. Обуздание самодержавия категорической дисциплиной закона, обладающего высшей юридической силой, закрепляющего властно-политическую, экономическую, административную систему, устанавливающего порядок организации государства, деятельности его органов, фиксирующего основные права, свободы, обязанности граждан. Непреходящее политико-историческое значение конституционализма – имплементация правового универсализма, а с ним – граждански всеобщих легитимных (демпфирующих выбросы турбулентного партикуляризма) методов правления и шире – социального созидания. Преодолевается недолжность, порочная импровизационность, неуместная окказиональность, представляющая дно властного жанра; межсубъективное взаимодействие встраивается в долгожданный контур обязательности, гарантийности (как минимум, в контур недопущения тривиального самодурства, о котором хорошо – у Гофмана: «Прежде чем мы приступим к просвещению, т.е. прикажем вырубить леса, сделать реку судоходной, развести картофель (или – кукурузу! – **В. И.**), улучшить сельские школы (ср. с отечественными национальными проектами. – **В. И.**), насадить акации и тополя, научить юношество распевать на два голоса утренние

и вечерние молитвы, проложить шоссейные дороги (ср. «Манифест» «Единой России», принятый в канун выборов 2003 г.: «К 2010 году будет построена транспортная магистраль Санкт-Петербург – Анадырь, Токио – Владивосток – Брест и другие.» – **В. И.**) и привить оспу (! – **В. И.**), – прежде надлежит изжить из государства всех людей опасного (! – **В. И.**) образа мыслей, кои глухи к голосу разума (! – **В. И.**) и совращают народ на различные дурачества» [3, с. 174]).

Как бы там ни было, но с фазы конституционализма социальность обретает иммунитет к кабале своенравия, упрямства, вспыльчивости, безрассудства всеильной власти; индивидуальность получает от нее суверенитет; персональность достигает гражданской состоятельности: отныне герой и ничтожество, принц и нищий, сливки и объедки, победитель и побежденный живут коммунально единообразно – по единым правилам, унифицированным условиям к саморазвитию, общим источникам черпания вдохновения в собственной самостийности.

Парламентаризм. Нет защиты от неумолимого хода истории; долгие и невнятные отношения общества и власти неминуемо канализируются в достижимое русло контроля, сдержек, противовесов, прозрачного сбалансирования. Опуская предметные подробности, правильно констатировать властно-политическое развенчание имеющей преимущества по рождению родовой знати, вытесняемой с социальной сцены принципом паритета.

История – кладбище аристократий, – подмечает Парето. Уже с V в. до н.э. в Риме разворачивается упорная борьба патрициев с плебеями за достижение равенства, к III в. до н.э. завершившаяся полной победой последних. С позднего средневековья в Европе оформляются сословно-представительные учреждения (XIII в. – Англия (оксфордские провизии); начало XIV в. – Франция, середина XV в. – Нидерланды (Генеральные штаты)), озабоченные дифференциацией функций законодательных и исполнительных органов управления.

В концептуальном отношении усиливается рациональность принятия ответственных общенациональных решений. Если «рациональность» без излишних различий сводить к «выбору» и «решению» по расчислению на оптимальность, эффективность, целесообразность, оправданность, то при публичной экспертизе (апробации – депутатские запросы, критика, аналитика, интерpellация, свободное обсуждение и т.п.) социального проектирования в открытых заседаниях, несомненно, повышаются его (популяционно адаптированные) кондиции.

В антропном измерении очевидное достоинство парламентаризма – включение а) социального лифта: любой человек «из народа» способен стать человеком «для народа»; б) социальной ответственности элиты: связанные «одной цепью» выборные государственные мужи *volens-polens* встраиваются в диспозицию «служение народу».

Республиканизм. Формально – тип правления, где высшая государственная власть принадлежит верховному избираемому на фиксированный срок представительному органу (глава государства избирается непосредственно населением или специально учреждаемой коллегией). Реально – тип правления, объективирующий форму социального равенства в части прогрессивной унификации доступа к гражданским свободам, инициативным правам.

Власть, как таковая, есть привилегия; наличие власти суть объективация фактического человеческого неравенства: «...нет большего неравенства, чем между властвующими и подвластными» [1, с. 52]. Республика – *res publica* – чувствительный инструмент частичной ликвидации данного неравенства превращением властвования в общественное дело, становящееся зачатком, завязью обогатительного процесса: привнесения в государственность нового положительного народного начала.

Демократизм. Дальнейшая стадия освобождения человечества от несвященного трепета перед наведенной внеприродной стихией – разлаживающей существование, неумной в своем интервенционистском восторге, не ведающей никаких препятствий спонтанной силой власти.

Искомая независимость от неконтролируемых негативных слепых ее проявлений обретается на пути демократизации общественной жизни в последовательном обеспечении блеска исключительно народного, а не монаршего (ср.: «король-солнце») солнца.

Непреходящие, пользующиеся прочным успехом нововводства демократии

- деперсонализация властно-политического: аутентичным сувереном власти, единственным ее источником провозглашается полномочный народ;
- неотчуждаемость всеобщих свобод: конституционно-правовые нормы, – всецело они, – определяют положение лица в государстве.

Демпфируются предпосылки узурпации власти – единовластие, полномвластие, всевластие надежно ограничивается народной волей; упраздняется насилие (волюнтарный диктат) как технология «вправить времени сустав»; вводится верховенство закона.

В который раз: демократия – не власть всех, а свобода всех; она суть – правособразный образ жизни, контролируемый не верой (как наивно полагал Дьюи [14, с. 39]), но действенной способностью каждого заявлять и проявлять собственные возможности.

Без социальной горячки, неумного зуда преобразований (взять хоть нашу «перестройку» со словоблудливой диадой «новое мышление», «ускорение», не прояснявшей сакраментального: «ускорение» за счет чего? – «нового мышления?»), нетерпеливой и нетерпимой суровости к инакомыслию, – шиболетов набирающей популистские кредиты бездарной власти, – демократия расширяет узкие границы политического коридора принуждения к действию «сверху» (чего стоят те же приснопамятные «чистки») заинтересованным развертыванием инициативы «снизу». Сила демократии – достоинство самопроизвольного вовлечения и участия за счет предприимчивости, способности к самостоятельным активным действиям.

Инициативная иницирующая самоорганизация – богатейший, благодатнейший ресурс с благотворными ответвлениями, – купируя централизм, дирижизм, автократизм как неэффективные, неоптимальные методы устройства жизни (ср.: Сталин: «оргработа решает все» [13, с. 158]), – выводит на простор автономной творческой, дееспособной самореализации. Последняя избавляет от кошмара многостепенной бюрократической драмы бесчисленно-бесмысленных требований цензурных условий. Бюрократизм есть инструмент власти для бюрократического контроля. Демократия же, минуя «чашу сию», обеспечивает внебюрократический характер самоконтроля.

Непреходящее достоинство демократии – свобода выбора и выбор свободы.

С данным квалифицирующим выводом картинка складывается в законченное полотно: социально-исторический процесс представляет последовательную смену (череду) состояний, прошитую прогрессивным движением к свободе, полноте самореализации. Где

- «прогрессизм» уточняется в терминах «созидание-создание социальных гарантий простора деятельности»;
- «полнота» уточняется в терминах «созидание-создание персональных гарантий простора действий».

В идеальном итоге, как сказал поэт:

Каждый выбирает для себя

Женщину, религию, дорогу [8].

В макросоциологической транскрипции вершины капитальной конфигурации обретают редакцию: счастье, совесть, призвание. Высшие ценности, святая святых человечности, получают воплощение с выходом из тенет «зависимости» в свет «свободы».

Выход на дорогу гуманитарной свободы сопровождается перемещением на дорогу социальной свободы – в направлении искоренения «превентивных, профилактических» репрессий государственности, преобразования общественного космоса по линии простора востребованности; из властных технологий изгоняется скорый прием решения проблем по насильственному способу; из властных апологий изгоняется не менее скорый прием решения проблем по способу ритуала лицемерия. Улетучивается печать отверженности; жизнь пускает ростки на берегах народной демократии, где демократия прорастает как в социальную, так и экзистенциальную сферу. Ad oculos: традиции совершенствования вершения истории, пролонгации антропного существования укладываются в репрезентативный ряд: (обобщенно) – автократизм (вождизм, патриархальность, патримониальность, монархизм, авторитаризм, цезаризм, бонапартизм, хунтизм, тоталитаризм, этатизм) – патрициат (аристократия) – патернализм – правовое государство (ограничение этатизма юридизмом, конституционно-правовые гарантии невмешательства власти в сферу неотчуждаемых прав человека) – социальное государство (условия человеческого самоопределения не только на базе права и личной безопасности, но и гарантий социально обеспеченного проживания – по началам социальной справедливости, социального патронажа) – культурное государство (симбиоз демократии, права, социальных обязанностей как форма сообщества свободных, равноправных, зрелых обеспеченных граждан).

Как видно, в объективной трансформации государственности проступает зависимость наращивания политической упорядоченности через возрастание граждански-представительного начала: догосударственное состояние (архаика) – деспотический принцип общения, предполагающий прямое, непосредственное индивидуализированное могущество; государственное состояние – постепенная деперсонализация могущества за счет кодификации, формализации взаимоотношений, их исполнения, дробления статусов, прерогатив, полномочий со ставкой на инициативную самоорганизацию, предельную самоотдачу не «государевых слуг», но простолюдинов «снизу».

Между тем полагать, будто прослеживаемая динамика власти-государственности по сути своей исчерпывается престабилизацией ортогенеза, означало бы исполнять сольную партию «некритического позитивизма».

Слагать легенды в наш просвещенный век – дело совершенно избыточное. Тем более на фоне практического ощущения: вулкан потух, но дым идти не прекращает.

Вбирая масштаб опыта и вынося генерализирующие суждения, философия все же, сохраняя осмотрительность, вынуждена делать поправки на нюансы, которые в нашем случае обретают подобие не тающих в воздухе памяти, достойных забвения факторов, сообщающих неумолимому току истории дополнительную поливариантную пикантность. Довольно сослаться на осложняющие секреты проскочить в игольное ушко передового мейнстрима всякого рода ad hoc выпадов, уклонений, попятных движений, ретардаций, реставраций.

Закрывая глаза на вызывающие чувство ледяного холода не вписывающиеся в цивилизационный фордевинд частные прецеденты династизации власти в социалистической (!) Корее, республиканском (!) Азербайджане, откровенного nepotизма в ряде государственно-политических автархий III Мира и т.п., озаботимся оценкой общего вопроса: геостратегической перспективой наличной потребительной (скатывающейся в дно консьюмеризма) планетарной организации.

Согласно намеченной Мальтусом, классиками геополитики количественной парадигме, перспективы динамики объемных социальных единиц требуют ресурсного обсчета – увязывания с геопланетарным потенциалом. Здесь выясняется: для обеспечения безмятежного движения человечества по магистрали материальной зажиточности, социальной справедливости, политической отрегулированности – натуральных источников не хватает.

Прогрессистский порыв возвести «здание государства исключительно на принципах разума» (В. Гумбольдт) концептуально и психологически привлекателен. Вещь в том, что он несбыточен. Созданию счастливого (совершенного) социума препятствуют естественные возможности (при полной утопичности стратегии неуклонного экономического роста) – развитые страны не имеют ресурсов, развивающиеся (ресурсно богатые страны) – капиталов.

В обход апокалиптики обостряется тотальная тема общемировой ситуации наших дней: лучшие времена – давно ли пройдены? Как озабочивается М. Кузмин, – из какого дыхания живущих делается атмосфера современности? И, разумеется, ее философское осмысление.

Литература

1. Бикерман И. С. Свобода и равенство // *Русская мысль*. Кн. 8–12. Берлин, **1922**.
2. Бродский И. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, **2017**. 880 с.
3. Гофман Э. Т. А. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, **2016**. 730 с.
4. Ильин В. В. *Политология*. М.: ИД КДУ, **2018**. 322 с.
5. Ильин В. В. *Философия*. М.: Проспект, **2019**. 480 с.
6. Ильин В. В. Философское сегодня. Часть I. *Splendida vitia* // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №2. С. 81–103.
7. Ильин В. В. Философское сегодня. Часть II. *Lux benigna* // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 10. №3. С. 151–164.
8. Левитанский Ю. *Каждый выбирает по себе*. М.: Изд-во АСТ, **2019**. 256 с.
9. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М.: Госполитиздат, **1962**. Т. 36. 741 с.
10. Макиавелли Н. *Князь*. М.: Игломосс Эдишинз, **2012**. 384 с.
11. Маяковский В. В. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. М.: Гослитиздат, **1955**. Т. 1. 463 с.
12. Сологуб Ф. *Стихотворения*. Л.: Советский писатель, **1975**. 883 с.
13. Сталин И. В. *Собрание сочинений*. М.: Политиздат, **1951**. Т. 1. 427 с.
14. *Classic American Philosophy*. N. Y., **1951**.

Поступила в редакцию 28.07.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.4.1

Philosophy and power. Part I. Architecture of power

© V. V. Ilyin

*National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

By institutionally supporting property, providing influence, and constituting status, power regulates the existence of the whole in the legal, political, and cultural field. The strength of power is not in the power equipment, but in the effective mobilization of involvement and participation. The quality of the latter is determined by the directedness on people of the core elements of government, which receive a philosophical justification for initiating apologies and technologies. The distinct image of perfect existence introduced by philosophy demands from the power of a specific way of thinking and acting. And this, to put it briefly, is a people-oriented policy. As Hegel emphasized, it is the greatest absurdity to impose on a nation institutions to which it has not come in its organic development. Otherwise, it is a repressive tyranny, despotism, autocracy. Power is an instrument of peace, not war, and it should not deform life with enlightenments, shakes, and objectifications of speculation. Laminar improvements – meliorism, reformism, evolutionism are verified by common sense and constituted by the people's will – fixpoints of far-sighted policy. The best type of power implementation is a competent influence that avoids violence. Only that power is welcome, which is sanctioned by the citizens. Power is functioning not as a means of generating self-sufficient schemes, but as a means of developing a balance of forces – balancing innovation with the people's will.

Keywords: domination, dependence, freedom.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. Philosophy and power. Part I. Architecture of power // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.

References

1. Bikerman I. S. *Russkaya mysl'*. Kn. 8–12. Berlin, 1922.
2. Brodskii I. *Maloe sobranie sochinenii [Small collected works]*. Saint Petersburg: Azbuka, 2017.
3. Hoffmann E. T. A. *Maloe sobranie sochinenii [Small collected works]*. Saint Petersburg: Azbuka, 2016.
4. Il'in V. V. *Politologiya [Political science]*. Moscow: ID KDU, 2018.
5. Il'in V. V. *Filosofiya [Philosophy]*. Moscow: Prospekt, 2019.
6. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 81–103.
7. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 151–164.
8. Levitanskii Yu. *Kazhdyi vybiraet po sebe [Everybody chooses for himself]*. Moscow: Izd-vo AST, 2019.
9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete collected works]*. Moscow: Gospolitizdat, 1962. Vol. 36.
10. Machiavelli N. *Knyaz' [The prince]*. Moscow: Iglmoss Edishinz, 2012.
11. Mayakovskii V. V. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete collected works]*. V 13 t. Moscow: Goslitizdat, 1955. Vol. 1.
12. Sologub F. *Stikhotvoreniya [Poems]*. Leningrad: Sovet-skii pisatel', 1975.
13. Stalin I. V. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Moscow: Politizdat, 1951. Vol. 1.
14. *Classic American Philosophy*. N. Y., 1951.

Received 28.07.2020.